

СЕПАРАТИЗМ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН И КАТАЛОНИЯ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ, РЕГИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**Федоров Александр Сергеевич**

студент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, РФ,
г. Санкт-Петербург

Проблема сепаратизма* в 21-ом веке приобретает особенную актуальность, так как, в условиях глобализации, увеличения роли информационных технологий в политике и всех прочих сферах общественной жизни, любое столкновение, предающееся огласке, любой конфликт, данные о котором доводятся не только до руководителей государств, дипломатического и силовых ведомств, спецслужб, но и до сведения, в той или иной новостной интерпретации, широких масс, становятся не просто предметом обсуждения в СМИ по всему земному шару, предметом общественной дискуссии, но и могут оказывать влияние на ситуацию в тех или иных регионах планеты, хотя зона его территориального распространения может даже и не иметь с ними никаких общих границ, находиться в тысячах километров, на других материках и в других частях света [11, р. 64].

Сегодня политики, политические эксперты и регионоведы с особым вниманием следят за двумя такими конфликтами, связанными с центробежными тенденциями в Иракском Курдистане и Каталонии, где 25 сентября и 1 октября 2017-го года соответственно прошли референдумы о независимости [Волков, 2017] [Коголов, 2017].

Очевидно, что для властей Республики Ирака и Королевства Испании данные события являются серьёзным историческим вызовом, способным повлечь за собой возникновение и развитие глубоких политических и территориальных кризисов в этих государствах.

Но что означают курдистанский и каталонский референдумы о независимости для мирового сообщества в целом? Всегда ли стремление к независимости приводит к возникновению новых очагов напряжённости? Влияют ли подобные события друг на друга и могут ли они быть побудительными для других территориальных и территориально-административных образований, претендующих на независимость, к сепаратизму? Можно ли экстраполировать выше описанные центробежные тенденции и на прочие государства и регионы? Территориальная и территориально-административная автономизация — временное явление или новый мейнстрим?

Для того, чтобы дать ответы на все эти непростые, но чрезвычайно актуальные вопросы мирового политического процесса, следует сначала описать ситуации в двух указанных странах и выявить общие и специфические черты выше названных событий.

Идея Курдистанского государства, Курдский вопрос существует уже около 100 лет [2, с. 16—17]. На территориях Турции, Ирана, Ирака и Сирии находятся области, где преобладает курдское население. По разным оценкам в общей сложности оно составляет от 30 [Barkley, 2016] до 40 [6, с. 52] миллионов человек.

До недавнего времени только иракская область проживания курдов имела статус государственного образования — Иракский Курдистан, имеющий статус автономии с широкими полномочиями, в марте 2016-го года курды объявили о создании такой же области в Сирии, названной ими Сирийским Курдистаном или Рожавой. Так называемая Передняя Азия (азиатский Юго-Запад) является конфликтогенным регионом, где религиозные и политические противоречия, существующие зачастую практически нераздельно друг от

друга, стали причинами многих войн и боевых столкновений, фактором региональной нестабильности и внутригосударственного сепаратизма. Борьба курдов за независимость имеет долгую историю и, в зависимости от страны, государственно-территориальную специфику.

Так, в Иране и Турции курды не имеют автономий, но в последней с 1978 года существует Рабочая партия Курдистана (РПК) [8, с. 33], которая обладает и военным крылом — «Народными силами обороны» [10, с. 141]. В турецком государстве РПК именуется не иначе как террористическая организация [8, с. 35]. В Сирии борьба курдов за независимость также имеет продолжительную историю, и то, что сирийское правительство не вмешалось в создание этой автономии объясняется скорее невозможностью (по причинам гражданской войны) задействования необходимых политических, экономических, военных ресурсов для блокирования реализации данного политического проекта, а также стремлением сирийских властей к поддержанию порядка, пусть и минимального, на территориях страны, нежели долгосрочным пересмотром государственной политики.

Гражданская война в Сирии, продолжающаяся уже более 6 лет, дестабилизировала не только внутрисирийскую, но и общерегиональную военно-политическую обстановку. И, переходя к Иракскому Курдистану, нельзя не отметить, что этот фактор значительно повлиял и на Республику Ирак, где также идёт Гражданская война, начавшаяся с момента вывода американских войск в декабре 2011-го года и усугубленная сирийскими событиями и усилением глобальных и местных террористических группировок.

Референдум о независимости Иракского Курдистана планировалось провести ещё в 2014-ом году, но, из-за вышеуказанных конфликтов, он несколько раз откладывался и был проведён лишь 25 сентября 2017-го. 27 сентября были оглашены результаты. Явка на этот референдум была чрезвычайно высока, ~ 72 % от 8.4 млн. избирателей [Oberle, 2017], если верить данным избирательной комиссии. Около 93 % отдали свои голоса за независимость Курдистана [McKernan, 2017]. В тот же день Иракское правительство объявило о непризнании данного референдума, несколько дней спустя парламент Ирака запретил государственным ведомствам и учреждениям проводить финансовые операции с курдским регионом. Государственная власть инициировала финансовую и транспортную блокаду Иракского Курдистана, к которой выразили готовность присоединиться правительства Ирана и Турции (видимо, опасаясь усиления центробежных тенденций внутри своих государств).

Множество десятилетий властям Османской империи, а позднее и Ирака удавалось находить компромиссы с курдским населением и даже извлекать из этого определённые выгоды, например, организовывать курдские погромы армянских поселений в конце 19-го — начале 20-го столетий [9, с. 7]. Однако идея самостоятельности постепенно начинала преобладать среди курдов. И сейчас, на фоне региональной нестабильности и внутригосударственных проблем Ирака, ситуация, похоже, выходит из-под контроля. Экономическая и транспортная блокады вряд ли сумеют кардинальным образом повлиять на сложившуюся обстановку: нанесённый серьёзный ущерб экономике Иракского Курдистана и лишив его торговых транспортных узлов и путей, эти меры, однако, не изменят выбора, сделанного курдским населением.

В условиях гражданской войны и увеличения количества территорий, неподконтрольных иракскому правительству, необходимые каналы связи сепаратистского образования с внешним миром вполне могут быть найдены. Необходимо учитывать, что Иракский Курдистан преимущественно имеет границы с теми областями и районами Ирана, Турции и Сирии, которые являются территориями компактного проживания курдов. В случае с Сирией, большая часть границы вообще проходит с Сирийским Курдистаном или Рожавой, также практически неконтролируемой властями Сирийской Арабской Республики. Проблемы, вызванные экономическими санкциями и блокировкой транспортного сообщения, даже в случае присоединения к этим мерам сдерживания других стран Передней Азии, могут быть во многом разрешены через связи с выше названными областями и районами, граничащими с Иракским Курдистаном, с преобладающим курдским населением. Подавление сепаратизма военным путём также не представляется эффективным. Пока Ирак и весь остальной регион находятся в состоянии военно-политической неустойчивости, конфронтации и неопределённости, правительство Республики не сможет предпринять масштабную военную

кампанию в отношении курдских сепаратистов на своей территории. Теперь противостояние будет главным образом выражено в борьбе за нефтяные месторождения и в удержании контроля над ними.

Учитывая количество всевозможных террористических группировок и незаконных вооружённых бандформирований в Ираке, зон их действия и их боевые возможности, и силам официальных властей, и силам сепаратистского курдского образования предстоит затяжное продолжение военных действий, что, в свою очередь, опять создаст необходимость либо сотрудничества, либо, по крайней мере, относительного нейтралитета между правительством Ирака и руководством автономии.

Поэтому мы полагаем, что далее в этом конфликте речь будет идти о заключении новых соглашений и договорённостей, но не только на уровне отношений Ирак-Иракский Курдистан, но и государств Передней Азии, так как проблема затрагивает весь регион. Референдум о независимости Иракского Курдистана вполне может стать отправной точкой и для начала новых региональных конфликтов.

учётом сложившейся обстановки с перспективой на новую полномасштабную войну, для урегулирования ситуации может потребоваться и дополнительное международное вмешательство в дела региона, которое, в общем-то, уже началось.

Иначе обстоит положение дел в Каталонии, как и вообще в Королевстве Испании и в европейском регионе в целом. Официальное название территориального образования каталонцев — «Автономное сообщество Каталония».

История области уходит в Средние века, Каталония имеет опыт государственности («Королевство Арагон») [4, с. 136]. Попытки отделиться от Испании прослеживаются со второй половины 19-го века [7, с. 139]. По мнению многих каталонцев, противоречия культурного и языкового характера, а также экономические разногласия, в частности, налоговый вопрос (якобы деньги более уходят в центр и тратятся на общегосударственные нужды в гораздо большем объёме, чем возвращаются в автономию), между Королевством и Каталонией настолько остры и неразрешимы, что последняя не может быть в составе Испании [5, с. 44—47]. С 1979 года Каталония имеет статус автономии [3, с. 48], в течение последних десятилетий там проводятся опросы-референдумы о независимости [5, с. 48]. Местная власть (Каталонский парламент, муниципалитеты) также заинтересована в отделении Каталонии от Испании.

Очередной референдум прошёл 1 октября 2017-го года. По данным избирательной комиссии, явка составила ~ 43 % от 5.3 млн. избирателей, более 90 % голосов было отдано в пользу независимости [Хамдохов, 2017]. Впрочем, ещё в сентябре Конституционный суд Испании провозгласил данный референдум незаконным. И король Испании Филипп IV, и премьер-министр Мариано Рахой уже высказались о недопустимости выхода Каталонии из состава королевства.

Конфликт между властью Испании и каталонскими элитами сейчас зашёл в тупик. Ряд экспертов утверждают, что решение каталонского вопроса может быть крайне жёстким, вплоть до введения в действие 155-ой статьи Конституции, что означает прекращение действия автономии и переподчинение местной власти Мадриду [Испанская Конституция, 1995]. Далее вполне возможны аресты высших каталонских чиновников и судей, депутатов парламента, в том числе, и президента женеералитета Карлоса Пучдемона. Но как тогда быть с населением региона? Люди сделали свой выбор. Нам представляется, что и здесь меры урегулирования конфликта будут жёсткие, вплоть до устрашающих акций. Однако каталонский вопрос снят не будет, вероятно, потребуется какое-то время для возвращения его решения в политическое русло. Наиболее вероятный вариант в такой ситуации: формирование новой элиты в данном административно-территориальном образовании, которая будет лояльна центру, и заверения со стороны испанского правительства в адрес населения автономии о продолжении диалога по Каталонии и вопросу её независимости.

Однако перспективы каталонской «государственности» практически минимальны, в отличие от того же Иракского Курдистана. Европейский регион имеет большую историю конфликтов

на почве стремления тех или иных территориальных образований к независимости, сепаратистских движений и выработал определённую систему сдержек и противовесов с надгосударственными институтами правового, политического и экономического регулирования.

В условиях, когда политическая традиция формировалась столетиями, когда расстановка сил и возможностей устоялась после череды серьёзнейших конфликтов и существующий порядок стал результатом скоординированной и последовательной политики ряда ключевых региональных государств, всевозможные политические, экономические и социальные кризисы и пертурбации разрешаются совместными усилиями ещё до того, как смогут перейти в вооружённое противостояние и боевые столкновения. Каталонию вряд ли признают в мировом сообществе, в частности, в Европейском союзе. Окружённая со всех сторон отнюдь нелояльными странами, каталонское образование будет вынуждено принимать их условия и, в лучшем случае, будет лишь формально обладать правами и полномочиями государственного уровня.

Таким образом, случаи Иракского Курдистана и Каталонии имеют общие черты в причинах стремления к независимости, к отделению от своих государств: исторические, культурные, языковые, отчасти экономические. Но особенности региональных обстановок Европы и Передней Азии различают эти два образования в политических перспективах. Факторы общего уровня стабильности/неустойчивости регионального и мирового политических процессов, консолидации/разобщённости интересов крупных региональных и международных игроков в таких случаях вполне могут стать решающими для политических перспектив сепаратистских движений, для государства их возникновения и для данного региона в целом.

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что вышеописанные случаи отражают и общемировую симптоматику. Всё больше территориальных образований претендуют на статус суверенных государств. Внутригосударственные столкновения становятся причинами региональной и даже международной напряжённости.

Данные факты свидетельствуют о том, что центробежные тенденции постепенно приобретают общемировой характер, автоматизация территориальных и территориально-административных образований при этом, как правило, становится для политической системы страны своеобразной зоной турбулентности, вызывая военно-политические и социально-экономические государственные и региональные кризисы, а в особых [пока что] случаях, — и международную конфронтацию.

Исходя из выше изложенных тезисов, мы можем предложить следующие варианты мирного урегулирования возникающих конфликтных ситуаций и/или их возвращения/перевода в политико-дипломатическое поле:

1. В регионах, где существуют прочные межгосударственные договорённости и объединения, решение данных вопросов следует возложить на надгосударственные образования и институты.
2. В областях, где межгосударственный консенсус отсутствует или является лишь формальным и ненадёжным, разрешение конфликтов должно проходить:
 - в формате международных площадок для, подчёркиваем, политико-дипломатических переговоров, при участии, в случае необходимости, государств-посредников, в формате межсторонних встреч и контактных групп;

или

- при участии и контроле одного из сильнейших и влиятельнейших мировых игроков, которому по решению ООН или международным договорённостям будет доверен данный конкретный регион. Речь может идти и о разделе ряда политико-географических территорий планеты на так называемые зоны влияния, которые сейчас необходимо понимать и как зоны ответственности.

Однако выше предложенные варианты можно принять за рабочие тактические установки только в том случае, если конфликтная ситуация может быть спрогнозирована с высокой степенью вероятности, если сценарии её развития будут чётко прописаны и выработаны соответствующие им планы дальнейших действий.

При этом всегда могут произойти в принципе непрогнозируемые события и явления, поэтому международному сообществу необходимо исходить также и из учёта конкретной, сложившейся на данный момент военно-политической обстановки в государстве и/или регионе. Очевидно, что предложения о международных договорённостях и зонах интересов встретят множество споров и дискуссий.

Но, как уже было отмечено выше, в 21-ом веке внутригосударственный сепаратизм и вообще локальные конфликты и проблемы всё чаще и отчётливее начинают приобретать общемировой характер, выходя на глобальный уровень.

Это черта эпохи, вызов времени, требующий общих усилий всего международного сообщества, скоординированной работы ключевых игроков на мировой арене, сильнейших и влиятельнейших государств, построения партнёрских и доверительных отношений между всеми участниками мирового политического процесса. И референдумы о независимости Иракского Курдистана и Каталонии – ещё один повод для обсуждения этого вопроса, и не только среди всевозможных экспертов и специалистов: политологов и регионоведов, социологов и экономистов; но и среди мировых лидеров, глав государств и представителей межгосударственных военно-политических и политико-экономических образований.

Список литературы:

1. Баранов А. В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект / А. В. Баранов // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 107—123.
2. Иванов С. М. Роль и значение Иракского Курдистана в региональной геополитике / С. М. Иванов // Геополитический журнал. — 2014. — №6. — С. 16—30.
3. Кирчанов М. В. Националистическая модернизация (каталонский опыт) / М.В. Кирчанов. — В.: «Научная книга», 2010. — 148 с.
4. Кожановский А. Н. Быть испанцем. Традиция. Самосознание. Историческая память. / А. Н. Кожановский — М.: «Восток-Запад», 2006. — 318 с.
5. Кореневская М. Г. Истоки сепаратизма в Каталонии / М. Г. Кореневская // Панорама. — 2016. — Т. 24. — С. 44—51.
6. Кудряшова Ю. С. Курдский вопрос на фоне войны в Сирии / Ю. С. Кудряшова // Международная аналитика. — 2017. — №1 (19). — С. 52—57.
7. Сулима В. А. Независимая Каталония: несбыточная мечта или вполне достижимая цель? / В. А. Сулима // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2015. — №5. — С. 138—143.
8. Трофимцова М. А. Курдский вопрос в национальной политике Турции на современном этапе / М. А. Трофимцова // Достижения вузовской науки. — 2016. — №21. — С. 32—36.
9. Шакарянц С. Э. Геноцид армян 1915-23 гг. и геополитика / С. Э. Шакарянц // Регион и мир. — 2015. — Т. 4. — №1-2. — С. 3—20.
10. Шамурзаева А. Б. Борьба курдского народа за приобретение независимости / А. Б. Шамурзаева // Вестник научных конференций. — 2017. — №4—4 (20). — С. 141—142.

11. Giddens A. The Consequences of Modernity / A. Giddens — S.: Stanford University Press, 1990. — 186 p.

Список интернет-источников:

- Волков К. (2017) Курды голосуют // Российская газета [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2017/09/25/poivavlenie-nezavisimogo-kurdistan-privedet-k-peredelu-neftianogo-rynka.html>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).
- Королевство Испания. Конституция // Опубликована на официальном интернет-портале Посольства Испании в Российской Федерации (1995) [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/LAW/SPAIN.HTM#33>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).
- Хамдохов С. (2017) Правительство Каталонии объявило результаты референдума о независимости // Российская газета [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/06/pravitelstvo-katalonii-obiavilo-rezultaty-referenduma-o-nezavisimosti.html>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).
- Когалов Ю. (2017) В Каталонии завершился референдум о независимости региона // Российская газета [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/01/v-katalonii-zavershilsia-referendum-o-nezavisimosti-regiona.html>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).
- В. McKernan (2017) Kurdistan referendum results: 93% of Iraqi Kurds vote for independence, say reports // Independent [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/kurdistan-referendum-results-vote-yes-iraqi-kurds-independence-iran-syria-a7970241.html>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).
- Barkley H. (2016) Kurds are Now Key to a Middle East Solution // Financial Times [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.ft.com/content/5087293e-db1c-11e5-a72f-1e7744c66818>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).
- Т. Oberle (2017) Le Kurdistan seul au monde après son référendum // Le Figaro [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/international/2017/09/27/01003-20170927ARTFIG00298-le-kurdistan-seul-au-monde-apres-son-referendum.php>, свободный (дата обращения: 18.10.2017).

* В данной статье под *сепаратизмом* предлагается понимать территориальное политическое движение, цель которого - отделить от государства часть его пространства и создать своё независимое государство [1, с. 107]